

ГДЕ ПАДАЛЬ — ТАМ КОРШУНЫ

Хильда Глас

18+

Хильда Глас

Где падаль — там коршуны

<https://litres.ru/74343679>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцать четвертого июня в горах Алтая пропало четверо человек. Среди них был близкий друг Нины. Не смирившись с неизвестностью, она отправляется туда, откуда он так и не вернулся. Но чем ближе Нина подбирается к истине, тем труднее понять, что страшнее: никогда ее не узнать или заплатить за нее слишком высокую цену.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Хильда Глас

Где падаль — там коршуны

Глава 1

Двадцать четвертого июня на юго-востоке Алтая пропало четверо туристов. Неподалеку от арендованного ими дома, у реки, нашли пустые пивные бутылки. На следующий день, в десяти километрах ниже по течению, поисковая группа обнаружила резиновую лодку, зажатую между валунами. Или то, что от нее осталось. Там же со дна подняли экшн-камеру одного из пропавших. Версия напрашивалась сама собой: из-за алкогольного опьянения молодые люди недооценили риски и не справились с течением. Так же решило и следствие. Однако ни одного тела так и не нашли.

Верхушки елей степенно покачивались. Хвойные исполины смотрели как на равного, глаза в глаза. Здесь, с высоты обрыва, даже широкая река плескалась ручейком.

Руку что-то тяготило. Нечто теплое. И живое. Оттого более отвратительное, что сухое.

Бьющееся сердце.

Пальцы выпустили его. Канув в реку, оно в считанные секунды растеклось по бирюзе чернотой, загустило резвые по-

токи в смоль. Небеса загромыхали, точно великаны забили в свои гигантские бубны. БУМ. БУМ, БУМ. БУМ. Ели, как скорбящие матери, склонили свои главы над рекой; плача иглами, облысели. И вдруг разом вспыхнули неистовым пламенем. Вытянув стволы, оно добралось до верхушек и залокотало прямо в лицо.

Правую ладонь зажгло, но не огнем — из нее текла кровь — так сильно рука сжимала острый камень.

Нельзя его отпускать. Никак нельзя. Пусть лучше режет кожу.

Все исчезло: и кровь, и огонь, и гул. Во тьме осталась лишь изуродованная страхом гримаса. Руки давили на уши. Рот раскрывался, надрываясь, пытаюсь что-то донести. Увы, крики не могли преодолеть тишину.

В выпученных до красноты глазах один за другим полопались сосуды. Кровь, переполнив белки, вылилась на щеки. Теперь крик был. Но только лишь он один.

Прошло без малого два месяца с последнего сообщения Тимы — живописной фотографии с обрыва и подписи: «Единственное место, где хоть как-то ловит. Надеюсь, мне не придется стоять тут до вечера. Ну, по крайней мере здесь красиво, да?» И вдруг — этот странный, до озноба четкий сон, в котором он явно нуждался в помощи.

Нина сразу отмела версию с рекой. Тима хорошо плавал, Лёня был силен как бык, остальные ребята тоже спортом за-

нимались — кто-то из них точно выбрался бы. Но ведь их даже не нашли. И, судя по тому, что дело планировали закрыть еще в середине июля, даже не хотели. Лишь из-за коллективных заявлений расследование продолжалось.

К середине августа близкие совсем отчаялись и провели вечер памяти. Нина присутствовала на нем. Послушала прощальные речи, посмотрела на мокрые платочки и ушла через пятнадцать минут после начала. Им было тяжело, бесспорно. Но их слабость пахла предательством. Ее, как и всех, пожирали собственные мысли, удушая все более и более уродливыми предположениями. Однако ж она не сдавалась.

Пейзаж на фотографии из переписки в точности совпадал с увиденным во сне: верхушки елей на уровне камеры, изумрудные горы, река и тучи. В этом не было мистики — память у Нины была хорошая, как и фантазия. Но что-то так и подмывало промотать переписку наверх.

«Леня в итоге этот выбрал». И ссылка на двухэтажный домик в алтайской глуши, где из развлечений только баня и шашлыки. Выбрать себе такой подарок мог только он.

Синенькая кнопка заманивала: «Забронировать».

Не прошло и недели после окончания поисков, а злосчастный дом уже ждал новых гостей.

«2 ночи — 33 000 руб. вместо 34 350 руб.»

Вот так скидка...

После часа метаний из угла в угол Нина все-таки тапну-

ла по кнопке брони. Какие-то две ночи. Все равно сидеть в городе, где не осталось никого, кроме нее, осточертело до скрипа зубов.

За три дня до поездки в плацкарте оставались либо верхние полки, либо боковые. Нина мало ездила на поездах и побаивалась спать наверху, а большая часть пути выпадала как раз на ночь, поэтому она выбрала боковое.

Она рассчитывала встать за час-полтора до своей станции, неспешно умыться, сдать белье, собраться, но то ли от нервов, то ли от липкой духоты проснулась спозаранку, пока еще не пахло кашами, а редкие разговоры велись полупотом. Все намеченные планы она выполнила за полчаса и оставшееся время провела за стаканом чая. Такой завтрак уже вошел у нее в привычку. Повезло, что соседа сверху не было и можно было спокойно посидеть за столиком в одиночестве. Ей было, над чем поразмыслить.

Нине никак не давал покоя тот сон, а точнее — его смысл. Острый камень, весь в крови, сердце размером с человеческое — означало ли это убийство? Столь кощунственное... Зачем было вырезать сердце, а затем избавляться от него? Почему следователи ничего не нашли? Или нашли, но ей не сказали? Под стук колес ворох мыслей снова уносил ее в беспокойные, страшные дали.

Пальцы обжег горячий подстаканник.

Пар осел на стекле, размазав вид за окном. Только она стерла его ребром ладони, и мимо пестро-желтым вихрем

понеслись цветущие луга вместе с воспоминаниями о беспечных днях лета.

По краю ее джинсов тоже тянулись цветочки — только голубые. Тима впервые заметил их, когда они болтали в лесу на поваленном дереве. Он тогда очень удивился:

— Стоп, их же здесь не было? Точно не было, не мог же я их не заметить за столько времени. Ты умеешь шить?

— Раз ты спрашиваешь, значит, не особо и умею, — поскромничала она и спустила со ствола ноги. Внизу был неглубокий овраг, полный лютиков.

— Нет, мне нравится! — чрезмерно бойко заверил он.

Нина с улыбкой закатила глаза.

— А можешь мне что-нибудь такое сделать?

Она сначала хотела отмахнуться, как от шутки, но потом посмотрела на него:

— Что, например?

— Не знаю, — пожал он плечами. — Да что угодно.

Запотевшее окно сменилось пыльным. В нем отражалась ее противоречивая улыбка. Снаружи мелькали деревья, дикие лошади и бледные горы вдаль. По комфорту областной автобус заметно проигрывал поезду. Точнее было бы назвать его маршруткой: сидений мало, все узкие, пропахшие сигаретами и бензином, единственное место для пузатого рюкзака — собственные колени, а вместо кондиционера — открытые форточки. К счастью, почти весь путь автобус мчался по

тракту, продуваемый со всех сторон.

Возможно, и не было никакой загадки: ее сон был всего лишь следствием утраты близкого друга. Внутреннее чутье тоже подсказывало: того, кого она ищет, там нет. Но пока оставался хоть один шанс, хоть малейшая вероятность помочь ему, живому или мертвому, она бы отправилась куда угодно.

«Конечная!» — потрясла кондукторша за плечо. Автобус опустел.

Дальше пешком. Недолго — пять минут до продуктового, где они с хозяином жилья договорились встретиться. Мужчина уже ждал возле своей «буханки».

— Нина? — уточнил он.

Это был невысокий мужчина средних лет. На его коже, как у многих местных, пекущее солнце оставило свой отпечаток: загар и морщины — не щуриться здесь было невозможно.

— Приятно познакомиться. Мерген?

Он кивнул вместо рукопожатия и указал большим пальцем на магазин:

— Ничего брать не будете?

— У меня все с собой.

— Как знаете. Ну, тогда залезайте.

Без «буханки» на бездорожье было не обойтись. Здесь дорога была еще ровной, но чем дальше, тем ухабистее становилась.

Прежде бывать на Алтае Нине не приходилось. Она ожидала увидеть заснеженные склоны и лазурные реки из соцсетей, но большую часть пути видела один только лес. А когда он наконец расступался, взору открывались равнины и плавные зеленые холмы. Она уже смирилась с тем, что приехала на какой-то другой Алтай, но эти места требовали терпения.

За очередным поворотом дорога вдруг нырнула вниз, где форпостом возвышались каменные врата. Лишь миновав их, можно было узреть гордую, уходящую за пределы видимости гору — в такие моменты ее сердце оживало.

Подумать только: ведь совсем недавно и Тима, проезжая здесь, видел эти красоты. Когда возникало что-нибудь впечатляющее, он обычно сдерживался, поглядывая с выдающе блестящими глазами. Заметив в другом тот же восторг, позволял себе чуть улыбнуться и весь оставшийся путь сидел озаренный, с некой загадочностью, будто по его лицу не читалось все без слов.

— Сюда редко в одиночку приезжают. Особенно девушки.

Мерген оказался не самым разговорчивым попутчиком. Редкие разговоры, если и возникали, звучали вымученно — будто он заводил их лишь затем, чтобы хоть как-то развлечь пассажирку.

— Устала от суеты, — и не соврала она. — Хочется уединения, а в городе этого, сами понимаете, не найти.

— Так к Новосибирску ближе полно.

— Полно, но здесь же на километры никого.

Он глянул на нее в зеркало заднего вида как на чудачку.

— И не страшно?

— Так чего бояться, если людей нет? — отшутилась девушка.

Конечно, ей было страшно. Но это чувство притуплялось другим, гораздо более неприятным.

— Зато зверья немало: шакалы, грифы, кабаны. Медведи.

— Так потому и немало. Потому что людей нет.

Он усмехнулся, но вскоре снова заговорил:

— Вы же хорошая девушка?

Отвечать на подобное было странно.

— Наверное.

— Места здесь сильные, — пояснил алтаец. — Не терпят слабость.

— Ну, я точно не слабая, не беспокойтесь.

Он устал и вздохнул:

— Эх-х... Не обижайтесь, я всех предупреждаю. Где падал — там коршуны.

Что именно он подразумевал, Нина не поняла и списала это на местные суеверия. Ее больше интересовало, как на подобную чушь ответили ребята. Бурная фантазия рассадил их по местам: Леня, без сомнения, уселся бы рядом с водителем, Сава и Марк трепались бы визави на передних пассажирских, а Тима сидел бы в конце. На том же месте, что и она сейчас.

И посреди звона перекатывающихся бутылок вдруг про-

звучал вопрос:

— Вы же хорошие ребята?

Из Марка вырвался слишком громкий смешок, но Леня не растерялся:

— Хорошие? Да вы лучше не найдете. Кроме Тишки Ша-лопая. — Он с широкой лыбой обернулся к другу. — Он у нас маньяк-серийник.

Сава с Марком хохотнули, но водитель со всей серьезно-стью изучал пассажира в зеркало заднего вида. Его взгляд стал еще тяжелее.

— Серийник?

— Еще какой. Может двадцать, может пятьдесят, иногда даже сотню за день прикончить. У него и сейчас в рюкзаке...

— Бас медленно сошел на шепот. — Сборник на пятьсот sudoku. Покажешь, Тиш?

— Тима. Тишка — это другое имя, — устало напомнил он в несчетный раз. Сколько бы лет им ни было, имени старого друга Леня так и не выучил. Для него он всегда оставался Тишкой.

При виде толстого томика ребята громко рассмеялись.

— Зря вы так, — ничуть не обиделся его владелец, убирая сборник обратно. — На самом деле очень расслабляет.

— Если тебе за шестьдесят, — сострил Марк деланно низким, но все равно скрипучим голосом.

Сава поддержал в своей привычной двусмысленной манере:

— Да ладно вам. Что ему еще делать, пока мы будем вселиться?

— Что угодно, но уж точно не решать sudoku.

— Зато он все-таки согласился.

Тима рассказывал, что изначально не планировал ехать, ведь ни с кем, кроме Лени, не был близок. Но тот давно мечтал об этой поездке — лес, горы, самые близкие друзья, — поэтому в конце концов поддался на уговоры.

Мотор взревел.

Даже такая машина забуксовала. Несколько минут «буханка» героически боролась с грязью, дергаясь то в одну сторону, то в другую. А затем преодолела полосу ухабов, каким-то чудом умудрившись не завалиться на бок.

Наконец они остановились. Дорога здесь была ровнее, хотя за окном по-прежнему стоял густой лес.

— Приехали. Дальше пешком.

До дома пришлось шагать около полукилометра вниз. Узкая тропинка из-за торчащих корней и нарастающего уклона требовала предельного сосредоточения, так что здоровый домина остался незамеченным даже в упор.

— Нина, — окликнул хозяин, — мы на месте.

Неудивительно, что она прошла мимо: крышу прикрывали ветки, неотесанные бревна сливались с лесом. Хотя при ближайшем рассмотрении постройка цепляла глаз необыч-

ной формой: вместо четырех углов — шесть. А на фотографиях с сайта казалась самой обычной.

Дом встретил запахами пихтового ароматизатора и чистящих средств. В центре комнаты стоял эффектный круглый камин. Спальни располагались наверху — к ним вела лестница. Рядом с ней — стол из массива и резные стулья. Первое впечатление дом производил приятное. Тем страннее, что такое большое, хорошо обставленное жилище закрывалось всего на один хлипкий крючок — ни щеколда, ни замочной скважины. Снаружи дверь и вовсе подпиралась камнем.

— А как закрываться?

— Зачем? Здесь же никого, — впервые улыбнулся мужчина. — От зверюшек этого хватает. Мангал на улице, решетка висит на дереве, шампуры на кухне...

Небольшая кухонька располагалась у одной из стен, напротив лестницы.

— Дрова в дровнике на веранде. Ночи тут холодные — точно пригодятся. Печь наверху одна на обе комнаты, — он указал на потолок, куда уходила труба камина. — Но в той, что дальше от лестницы, греет лучше. Заслонку только открыть не забудьте, иначе угорите.

— Угарнем мы в любом случае, — сшутил Марк.

Но его здесь не было. Нина даже обернулась к дивану у камина, откуда отчетливо, с присущим ему озорством прозвучала эта фраза. Пусто.

Хозяин тем временем продолжал рассказывать, указывая

то на одно, то на другое:

— Если захотите баню растопить: как из дома выйдете, налево и вниз по тропе, до реки. Идите на шум, не заблудитесь. Только в речку не ступайте. Она сильнее, чем выглядит. И глубоко в лес не заходите. Здесь вы шумите, отпугиваете, а там они — хозяева, — неожиданно кротко произнес он, глядя исподлобья за ее спину.

Настенный декор позади впечатлял: разъяренная медвежья морда, деревянное панно с представителями местной фауны, этнический ковер с невиданными зверями.

— Да-а уж... — вздохнула Нина и повернулась обратно. — И много тут еще способов погибнуть?

— Если куда не надо лезть не будете — все с вами в порядке будет.

Она с иронией кивнула:

— Утешающе.

Мужчина снял с пояса одну из раций и передал ей.

— Вопросы или проблемы какие будут — обращайтесь. Только по пустякам после десяти не беспокойте. И ничего не крутите — собьете.

— А как ее включать?

Объяснив, как пользоваться рацией, Мergen попрощался и уехал. Нина осталась совсем одна в доме, где незадолго до исчезновения останавливались ее приятели. Со слов полиции, в один день все они оставили рюкзаки, одежду, деньги, даже паспорта и пропали. К горлу подступила тошнота.

На часах был только полдень, а Нина уже валилась с ног. Сказалось все: и ранний подъем, и долгая дорога, и изнурительная, нещадная жара. Единственное, на что хватило сил, — принять еле теплый душ и переплести косы. С длиной до поясницы и капризной структурой тонких светлых волос без этого было не обойтись. Ночью — две, днем — одна, распущенные — по особым поводам. Вот и все разнообразие. За это некоторые девчонки «ласково» величали ее Аленушкой. Зато с бабушками Нина отлично ладила. И с Тимой. На этом, в общем-то, список ее друзей заканчивался.

Взбитые подушки с ароматом кондиционера и туго натянутые белоснежные простыни манили крепким сном. Обманчивая ловушка. На деле спалось как на иголках. Образы не задерживались надолго — расплывались, сменяясь новыми. Сотни голосов, тысячи лиц. И этот зловещий шелест хвоя.

Балаган дремы разрушили истошные вопли. Из сна они ворвались в явь, заставив все тело сжаться в комок.

Первые мгновения пробуждения были болезненными: она еще не помнила, где находится и кем является — еще оставалась невинным дитем, дрожащим от страха и холода в доме без окон, где не согревал даже плед из волчьих шкур.

Мысли постепенно распутались, но крики повторились, не оставив возможности списать их на выдумку разума. Они совсем не походили на звериный рев: будто женщина угоди-

ла в капкан. Но откуда бы ей тут взяться?

Нина поднялась, закуталась в вязаный плед и закрыла створку окна. Холод стоял как в середине осени. А ведь был всего лишь конец августа. Стоило внимательнее слушать Мергена и растопить печь. Но Нина не то что никогда этого не делала — она даже вживую такой печи не видела. Зато прекрасно знала, чем грозит угарный газ. Особенно во сне.

Ночью в доме еще и было гораздо темнее, чем в квартире. Кромешная тьма. Электричество поступало только от солнечных батарей, а из-за не самого удачного расположения дома к вечеру заряд иссякал. Оставались только свечи.

В полумраке их огоньки множились, отражаясь в зеркалах, окнах, собственных глазах. От внезапных отблесков Нина постоянно вздрагивала.

В третий раз вопль раздался совсем рядом, почти под окном.

Нина поднесла рацию к губам и зажала оранжевую кнопку. На время замешкалась. Но иного выхода не было, поэтому все-таки обратилась:

— Вы слышите?

— Слышу. — Судя по голосу, Мерген даже не планировал спать.

— Снаружи кто-то кричит. Кажется, женщина... Я не знаю, что делать.

Тишина.

— Вы здесь?

Пш-ш-ш...

— Да, — недовольно отозвался он. Видимо, все-таки спал.

— Так что мне делать?

— Это лисы и шакалы.

— Но это совсем...

— Спокойной ночи.

Однако Нина настояла:

— Мерген, я не уверена, что это звериные крики. Похоже на человеческие.

Пауза затянулась.

— Вы меня слышите? Что, если кому-то нужна помощь?

— Если не хотите, чтобы вас сожрали, ложитесь спать.

Как бы грубо это ни прозвучало, среди диких животных Нина никогда не жила, а потому наверняка не знала ни как они кричат, ни как от них защититься.

Разумную мысль оборвал силуэт, мелькнувший за окном. Высокий — явно человеческий. Если бы кто-то хотел целенаправленно напасть, то, учитывая сомнительные меры безопасности, давно бы это сделал. Но если вдруг раненому требовалась помощь, он мог не заметить дом во мраке — так же, как она сама не заметила его при свете дня.

Нина выглянула за дверь. Звуков было много: уханье, писк, стрекот, отдаленное журчание реки, — но все они принадлежали лесу.

— Здесь кто-то есть?! — сорвалось с ее губ вместе с па-

ром.

Стоя босыми ногами на холодном пороге, она посмеялась над собой за глупую надежду на возвращение заблудившихся в лесу ребят.

Нина уже хотела закрыть дверь, как вдруг меж стволов блеснули глаза. Выше, чем у лисы, но ниже, чем у человека. На высоте ребенка. И взгляд тоже детский, только... уставший.

Уверенная, что перед ней ребенок, Нина осторожно вышла за порог и спустилась с веранды.

Глаза моргали, но не двигались.

— Все хорошо? Откуда ты здесь?

Сделав несколько шагов навстречу, она застыла. В свете свечи проявились два длинных клыка.

Зверь вышел из тьмы. Он вовсе не скалился — клыки торчали сами по себе. Это определенно был не человек, не ребенок, не лиса и даже не шакал. Он вообще не походил ни на одно животное, которое она когда-либо видела. Для лани — мелковат и ушаст, для зайца — большеват и клыкаст, для шакала — глаза слишком добрые.

Зверь смотрел скорее удивленно, нежели испуганно. Но от осторожно протянутой руки отскочил и по-оленьи ускакал.

Нина с поражением опустила руку.

— Что ты за олень такой? Рогов нет, а клыки есть.

Вопли раздались снова. На этот раз издалека, едва слыш-

но. Вряд ли раненый человек мог так быстро преодолеть такое расстояние.

Когда возвращалась в дом, краем глаза она заметила, как следом за ней кто-то вошел, — едва уловимая тень. И даже почувствовала чье-то присутствие. Осмотрелась, выпила воды, но никого так и не обнаружила.

Эту мелочь можно было бы легко списать на спутанность спросонья и игру теней, если бы только... Если бы наутро, едва разомкнув глаза, она не увидела темный волос на соседней подушке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.